

УДК 811.111'37(043.3)

ТОЖДЕСТВО И ОТДЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *TAIL* 'ХВОСТ')

В. В. ТУР¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Обосновываются причины неоднозначности границ лексического значения на базе корпусного анализа семантики многозначного слова *tail* 'хвост' в современном английском языке. На основании данных о частотности сочетающихся со словом *tail* лексических единиц сделано заключение о закреплённости в его семантике значений разных уровней схематизации. Отмечается, что значения могут быть связаны отношением включения: одни и те же смыслы в семантике слова могут выступать в качестве отдельных значений и при этом одновременно являться вариантами единого, более обобщённого значения. Раскрываются закономерности схематизации значений слова *tail*, в соответствии с которыми по мере обобщения категориальных признаков увеличивается релевантность некатегориальных: признака местоположения (расположение сзади), пространственного (протяжённость в пространстве), перцептивного (форма), партитивного (часть от целого) признаков, выбор которых определяет общее направление абстрагирования семантики слова. На основе полученных наблюдений сделан вывод о подвижности границ лексических значений, а также об относительности понятий «полисемия» и «моносемия», которые оказываются функцией от степени схематизации актуализируемых смыслов.

Ключевые слова: лексическое значение; тождество лексического значения; границы значения слова; схематизация значения; полисемия; моносемия.

Образец цитирования:

Тур ВВ. Тождество и отдельность лексического значения (на примере семантики английской лексемы *tail* 'хвост'). Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020;2:52–63.

For citation:

Tur VV. The identity and separateness of lexical meaning: case study of the English word *tail*. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:52–63. Russian.

Автор:

Виталий Викторович Тур – кандидат филологических наук; докторант кафедры общего языкознания.

Author:

Vitali V. Tur, PhD (philology); doctoral student at the department of general linguistics.
vitaly.tur@gmail.com

ТОЕСНАСЦЬ І АСОБНАСЦЬ ЛЕКСІЧНАГА ЗНАЧЭННЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ СЕМАНТЫКІ АНГЛІЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *TAIL* ‘ХВОСТ’)

В. В. ТУР^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Абгрунтоўваюцца прычыны неадназначнасці меж лексічнага значэння на базе корпуснага аналізу семантыкі шматзначнага слова *tail* ‘хвост’ у сучаснай англійскай мове. На падставе даных пра частотнасць лексічных адзінак, якія спалучаюцца са словам *tail*, робіцца выснова пра замацаванне ў яго семантыцы значэнняў розных узроўняў схематызацыі. Звяртаецца ўвага на тое, што значэнні могуць быць звязаны адносінамі ўключэння: адны і тыя ж сэнсы ў семантыцы слова могуць выступаць у якасці асобных значэнняў і пры гэтым з’яўляцца варыянтамі адзінага, больш абагульненага значэння. Раскрываюцца заканамернасці схематызацыі значэнняў слова *tail*, у адпаведнасці з якімі па меры абагульнення катэгарыяльных прыкмет павялічваецца рэлевантнасць некатэгарыяльных: прыкметы месцазнаходжання (размяшчэнне ззаду), прасторавай (працягласць у прастору), перцептыўнай (форма), партытыўнай (частка ад цэлага) прыкмет, выбар якіх вызначае агульны напрамак абстрагавання семантыкі слова. На аснове атрыманых назіранняў робіцца выснова пра рухомасць меж паміж лексічнымі значэннямі, а таксама пра адноснасць паняццяў «полісемія» і «монасемія», якія аказваюцца функцыяй ад ступені схематызацыі актуалізаваных сэнсаў.

Ключавыя словы: лексічнае значэнне; тоеснасць лексічнага значэння; межы значэння слова; схематызацыя значэння; полісемія; монасемія.

THE IDENTITY AND SEPARATENESS OF LEXICAL MEANING: CASE STUDY OF THE ENGLISH WORD *TAIL*

V. V. TUR^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

A semantic corpus-based study of the English word *tail* is carried out providing insight into the reasons of vagueness of word meaning boundaries. Based on the data revealing the most frequent words used with the word *tail*, it is concluded that word senses may be entrenched on different levels of their schematization. The article demonstrates that senses can be linked by relations of inclusion – certain units of meaning can function as separate word senses and at the same time be variants of a single, more general meaning. The regularities of the schematization of the word *tail* are exposed according to which, as far as category features get generalized, so does the relevance of non-category features increase: location (hindmost position), spatial (extension in space), perceptual (form), partial (part of the whole) features. A choice of the features predetermines general directions of the word meaning schematization. It is argued that word sense boundaries are flexible resulting in the relative nature of the notions of polysemy and monosemy, which appear to be the functions of meaning schematization.

Keywords: lexical meaning; identity of lexical meaning; word meaning boundaries; meaning schematization; polysemy; monosemy.

Введение

Обращаясь к ключевым проблемам лексической семантики, среди которых одно из центральных мест принадлежит проблеме определения лексического значения, следует признать, что наиболее парадоксальным аспектом в любом существующем в настоящее время способе представления многозначности в языке является отсутствие однозначных принципов разграничения понятий полисемии и моносемии. Насколько очевидно, что слова в языке могут обладать сразу несколькими лексическими значениями, настолько, напротив, неочевиден ответ на вопрос о том, «какое употребление следует считать значением, ингерентно присущим слову как части лексической системы языка, а какое – результатом действия прагматических факторов, обуславливающих иную интерпретацию одного и того же значения» [1, с. 18].

Значение, как справедливо утверждает Дж. Кац, должно быть абстракцией – представлять только инвариантные признаки. В противном случае ни одно слово не может быть использовано снова в том же самом значении [2, р. 60]. Проблема, однако, заключается в определении **степени** этой абстракции:

на сегодня не найдено убедительных критериев для определения того, является ли тот или иной уровень схематизации достаточно общим, чтобы охватить все варианты употребления слова, и одновременно достаточно частным, чтобы отделить одно значение от другого.

Если лексикографы вправе оставить решение данной проблемы пользователю словаря, то для лексической семантики необходимость объяснения подобной неоднозначности имеет решающее значение – в противном случае следует признать принципиальную неопределимость того, что представляют собой хранимые в ментальном лексиконе носителей языка смысловые единицы с точки зрения объема составляющих их знаний, степени детализации их содержания, а также принципов разграничения этих единиц и, следовательно, их количества. Отсутствие обоснованного ответа на вопрос о том, имеем ли мы дело с флуктуациями единого общего смысла или смысловые вариации представляют собой значения, отдельно хранящиеся в ментальном лексиконе говорящих (либо с чем-то еще), ставит под удар базовые понятия лексической семантики, размывая границы между моносемией и полисемией, а также оставляя крайне неопределенным само понятие лексического значения.

Проблема тождества и отдельности лексического значения не могла не привлечь самого пристального внимания ученых, начиная с ранних трудов по лексической семантике. Возможность двоякой интерпретации разделила лингвистов на сторонников и противников поиска единого значения во множестве его смысловых вариаций. В истории лингвистики дискуссия более известна как спор между сторонниками и противниками так называемых общих значений, отражающих предмет мысли в настолько обобщенном виде, чтобы охватить все возможные оттенки и варианты его реализации в речи. В русском языкознании идея общих значений восходит, по свидетельству С. Д. Кацнельсона, к трудам К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова [3, с. 45]; среди немецких языковедов мысли об общих значениях высказывал Х. Штейнталь. Например, Х. Штейнталь признает за немецким словом *Stein* ‘камень’ одно значение и отрицает самостоятельность производных (‘определенный вес’, ‘камни (болезнь)’) [4, с. 96]. Позже идея развивалась Р. О. Якобсоном, выступавшим против попыток «безграничного и бесплодного атомизирования языковых данных» [5, с. 133].

Весьма последовательно идея общих значений выдержана в трудах В. А. Звегинцева. Анализируя полисемантическую структуру слова *hand* ‘рука’, лингвист утверждал, что «его значение констатируется не только на основе того обстоятельства, что им обозначается одна из верхних конечностей человека... В характеристику значения входит и то, что словом *hand* обозначается также: владение, обладание, охрана, присмотр... степень искусства владения рукой... люди как рабочая сила... и т. д. Все это не разные значения слова или разные понятия, а многообразные характеристики одного общего значения» [6, с. 208].

С другой стороны, позиция сторонников общих значений активно оспаривалась в работах не менее авторитетных языковедов. Так, Г. Пауль полемизирует с Х. Штейнталем и утверждает, что «необходимо признать самостоятельность производных значений» там, «где они уже стали подлинно узуальными» [4, с. 96].

В более поздний период жесткой критике идея общих значений подвергалась со стороны С. Д. Кацнельсона, который видел в ней «стремление структуралистов использовать “общие значения” для защиты сосюрианского тезиса о “параллелизме” языка и мышления» [7, с. 10].

Развернувшаяся дискуссия позволила вскрыть слабые стороны обоих подходов. Главной сложностью для сторонников общих значений, без сомнения, являлась «проблема метода, позволяющего определить общее значение» [8, с. 73]. Очевидно, что в большинстве случаев постулируемое единое значение слова будет принимать «трудноопределимые, расплывчатые, фантастические черты» [3, с. 45].

По мнению А. А. Потебни, общее значение – это «только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может. Языкознание не нуждается в этих общих значениях» [9, с. 33]. Будучи последовательным в своих рассуждениях, ученый приходит и к отрицанию любой семантической связи между значениями слова, так как «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [9, с. 5]. К аналогичным выводам склоняется и Л. В. Щерба: «Неправильно думать, что слова имеют несколько значений... На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений... Это вытекает логически из признания единства формы и содержания» [10, с. 78]. Очевидно, что противники идеи общих значений в той или иной степени игнорировали ту смысловую общность, которая, бесспорно, обнаруживается между элементами семантической структуры многозначного слова, что детерминировало слабость их позиции.

Как видно, парадокс дискуссии между сторонниками и противниками общих значений заключается в том, что одновременно с правомерностью обоих подходов каждый из них в своем крайнем проявлении приводит к логически противоречивым выводам, либо растворяя лексические значения в чересчур общих, трудноопределимых и в конечном итоге бесполезных дескрипциях, либо дробя их на бесконечное количество частных реализаций, не поддающихся какому-либо адекватному описанию.

Несмотря на то что противоречие между общими и частными значениями уже в структуралистский период было успешно осмыслено в общефилософском плане как «диалектическое единство противоположностей, в борьбе которых проявляется движение и развитие языка» [11, с. 32], возможные пути исследования **языковой** природы данного противоречия были предложены именно в рамках лингво-когнитивных теорий, развиваемых на рубеже XX в.

Теоретические основы

Анализ современных работ по исследуемой проблеме свидетельствует о том, что семантика вступила в новый этап дискуссий относительно правомерности поиска общих значений в языке. Хотя сегодня вряд ли кто-нибудь станет оспаривать возможность наличия в слове нескольких значений, суть полемики тем не менее остается прежней: следует рассматривать тот или иной смысловой оттенок как новое значение или как вариант старого? Причиной продолжающегося спора, как представляется, служит не столько теоретическое непонимание природы значения слова, сколько чрезвычайная практическая сложность разграничения между многообразным **употреблением** слова и множественностью его **значений**. «Разница между эмпирической и теоретической точками зрения разительна», – пишет С. Д. Кацнельсон, рассуждая о проблеме полисемии [3, с. 43].

С одной стороны, новые открытия и методологические разработки в значительной мере способствовали развитию идеи общих значений. Во-первых, в рамках семантики прототипов были убедительно продемонстрированы возможности отклонения от прототипического ядра значения без разрушения тождества последнего, что предоставило прочную теоретическую базу для объяснения того, каким образом понятие инвариантного значения может быть совместимо с возможностью его бесчисленных вариаций в речи. Во-вторых, разработки в области когнитивной лингвистики помогли преодолеть одну из главных методологических проблем теории общих значений: значения высокого уровня абстракции, которые не могли быть репрезентированы с помощью традиционных словарных дефиниций, нашли свое выражение посредством схем, фреймов, сценариев и других моделей представления концептуального содержания.

С другой стороны, разработки последних лет в равной степени предоставили новые аргументы и для критики в адрес сторонников общих значений. Так, например, невозможность оперирования общими значениями там, где, напротив, требуется их максимально точная детализация (работа с большими объемами языковых данных в рамках корпусной лингвистики, автоматическая обработка языка в прикладных сферах и т. д.), дает основания некоторым исследователям возвращаться к отождествлению **значений** и **употреблений** и отрицать реальность не только общих значений, но даже значений как таковых (ср. статью из области компьютерной лингвистики А. Килгариффа с красноречивым названием «Я не верю в значения слов» (*I don't believe in word senses*) [12]).

Новые эмпирические данные, в несколько раз увеличившиеся как в количественном, так и в качественном отношении, диктуют необходимость вернуться к обсуждению тезиса о важности учета разнонаправленных тенденций в развитии семантики слова; однако если в середине прошлого века единство двух начал было сформулировано с помощью общефилософского закона единства и борьбы противоположностей, то сегодня насущным представляется раскрытие реальных принципов языковой организации, обуславливающих существование противоречивых интерпретаций.

Теоретической основой одного из возможных объяснений, которая представляется нам наиболее убедительной и поэтому будет подробно рассмотрена в данной статье, служит сетевая модель Лангакера (рис. 1), включающая понятия схемы *C (scheme)* и ее реализаций *A* и *B (elaborations)*. Согласно данной модели значение *B*, находящееся на одном уровне абстракции со значением *A*, является результатом расширения последнего; при этом схема (значение *C*) является результатом абстрагирования от дифференциальных признаков значений *A* и *B* (подробный анализ на примере слова *tree* ‘дерево’ см. в [13]).

Наиболее интересным с точки зрения обсуждаемой проблемы является тот факт, что модель Лангакера не исключает **одновременного существования в структуре значений разных уровней абстракции**. Обсуждая данную возможность в контексте теории Лангакера, Дж. Тейлор отмечает: «Мне представляется вполне вероятным, что носитель языка может одновременно хранить в памяти и набор конкретных употреблений слова, и более абстрактные репрезентации, общие для этих употреблений. В самом деле, нет никаких изначальных причин, по которым носитель языка не мог бы хранить в памяти значения разных уровней абстракции»¹ [14, p. 283].

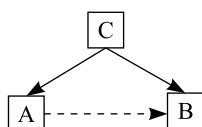

Рис. 1. Сетевая структура по Лангакеру

Fig. 1. Network structure according to Langacker

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Т.

Следствия, которые вытекают из наличия в семантике слова значений разных уровней абстракции, убедительно продемонстрированы в статье Д. Тагги: именно возможность значений актуализировать более частные, дифференциальные смысловые компоненты и абстрагироваться от них обуславливает «неуловимый» характер многозначности в языке [15].

Анализируя семантику слова *paint* ‘рисовать, красить’, Д. Тагги обращает внимание на то, что результаты тестов на полисемию разнятся в зависимости от контекста. Так, высказывание *I have been painting and so has Jane* ‘Джейн рисовала, и я тоже’ приемлемо в случае, если один из них рисовал акварелью, а другой – маслом (следовательно, рисование акварелью и рисование маслом относятся к одному значению). Если один рисовал разметку на проезжей части, а другой портрет, в приведенном высказывании ощущается эффект зевгмы (следовательно, *painting* как вид искусства и *painting* в утилитарных целях являются разными значениями). Однако Д. Тагги обращает внимание на то, что высказывание *When I’m painting I try to get the color on evenly, and so does Jane* ‘Когда я рисую/крашу, я стараюсь наносить цвет ровным слоем, и Джейн тоже’ допустимо в случае любых смысловых вариаций слова *paint*. Следовательно, в последнем случае и *painting* как вид искусства, и *painting* в любом другом возможном смысле относятся к единому общему абстрактному значению.

«Итак, является ли слово *paint* многозначным или широкозначным² (*vague*)? – задается вопросом Д. Тагги и в свете изложенных наблюдений отвечает на него следующим образом: – И то и другое или, возможно, ни то ни другое» [15, р. 276]. Полисемия перестает быть постоянной величиной и оказывается в сетевой структуре функцией от уровня, на котором осуществляется доступ к значению [14, р. 288].

Сказанное не означает, однако, что контекст является единственным фактором, определяющим границы лексического значения. Согласно модели Лангакера схема и ее реализации могут обладать разной степенью закрепленности (*entrenchment*) в ментальном лексиконе носителя языка, что показано на рис. 2 (разная степень закрепленности графически выражена разной толщиной линий).

В случае закрепленности схемы она воспринимается как общее значение, а незакрепленные в языке реализации схемы – как варианты употребления этого значения (см. рис. 2, д). Так, в семантике слова *paint* значение ‘рисовать’ является закрепленной в языке схемой по отношению к незакрепленным реализациям ‘рисовать акварелью’, ‘рисовать маслом’ и под., которые воспринимаются как варианты употребления единого общего значения.

Напротив, в случае закрепленности реализаций схемы и незакрепленности самой схемы значения А и В воспринимаются как отдельные значения с разной степенью смысловой близости вплоть до полной омонимии (см. рис. 2, а). Так, в семантике слова *paint* ‘живопись’ и ‘утилитарная покраска чего-либо’ предстают как отдельные смыслы, поскольку объединяющая их схема (‘наносить покрасочный материал на поверхность ровным слоем’) не закреплена в языке.

Градуальный характер описанных процессов предполагает наличие промежуточных случаев, когда схема и ее реализации одинаково закреплены в языке (см. рис. 2, с). Нетрудно видеть, что данные промежуточные варианты будут представлять собой неразрешимую проблему для обеих сторон в дискуссии о существовании общих значений, обуславливая возможность наличия в семантике слова как общих смыслов, так и их более частных реализаций.

Таким образом, в концепции, предложенной Д. Тагги, границы значений определяются двумя типами салиентности: выделенностью смысловых отрезков в контексте высказывания и их закрепленностью

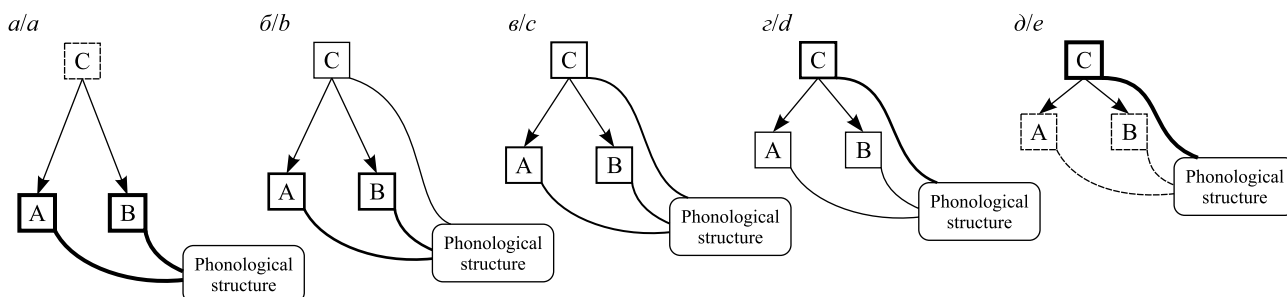

Рис. 2. Градуальное соотношение полисемии и моносемии.
Источник: [15]

Fig. 2. Polysemy – monosemy cline.
Source: [15]

²Отличие широкозначности от полисемии мы, вслед за В. К. Колобаевым, усматриваем в том, что «многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает одно понятие, которое является настолько широким, что охватывает ряд понятий» [16, с. 11].

в языке. При этом именно последний тип открывает путь к решению старой проблемы относительно степени абстрактности устанавливаемых значений: их границы должны определяться не способностью исследователя находить максимально обобщающие уровни описания (как показывает опыт, при желании могут быть найдены контексты, объединяющие сколь угодно отдаленные по смыслу значения [17, р. 645]), а установлением тех уровней схематизации, которые реально закреплены в ментальном лексиконе языкового коллектива.

Цель описываемого в статье исследования состоит в эмпирическом доказательстве гипотезы о возможности закреплённости в семантике слова значений разных уровней смыслового обобщения на примере семантики английского слова *tail* 'хвост'. Данная цель обуславливает постановку следующих задач: 1) установление на основе корпусных данных о частотности закреплённых значений в семантике слова *tail*; 2) выявление значений слова *tail*, связанных отношением включения; 3) сравнительный анализ семантического содержания значений, связанных отношением включения.

Материалом исследования послужили лексикографические данные, а также 2800 словоупотреблений лексемы *tail* 'хвост', зафиксированных в Британском национальном корпусе английского языка. В качестве дополнительного источника количественных данных о частотности актуализации значений слова *tail* использовался корпус *iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus*.

Результаты и их обсуждение

Следуя концепции Лангакера, одним из факторов, обуславливающих закрепление единиц смысла в языке, является частотность: если определенная лингвистическая структура встречается достаточно часто, она достигает статуса закреплённой единицы [16]. Таким образом, анализ частотности вариантов употребления слова может стать одним из методов определения границ его значений.

Данная методика была применена нами в целях определения границ главного значения слова *tail* 'придаток на заднем конце тела'. Неоднозначность границ данного значения очевидна из особенностей его представления в словаре. Так, в словаре «Webster's third new international dictionary» главное значение слова *tail* 'хвост' приводится в следующей редакции: *1a: the part of the vertebrate body posterior to the portion containing the body cavity : (1) : a rather slender more or less elongated process that arises from the trunk of many mammals... (2) : the uropygium of a bird with its attached feathers ; sometimes : the feathers alone of this part (3) : the caudal fin... of a fish (4) : the portion of a body of a limbless reptile behind the vent...* '1a: часть тела позвоночного животного, находящаяся позади брюшной полости : (1) : довольно тонкий, более или менее продолговатый отросток на теле у многих млекопитающих... (2) : надхвостье у птиц с растущими на нем перьями ; иногда : сами перья в этой зоне (3) : хвостовой плавник... у рыб (4) : часть тела позади выходного отверстия у рептилий, не имеющих конечностей...' ³.

Как видно, рассматриваемый участок семантики слова подвергается в словарной статье членению на трех уровнях: выделяются значение 1, оттенок *a*, а также подразделения (1), (2), (3), (4) внутри одного оттенка. Следует отметить, что если принципы разграничения понятий «значение» и «оттенок значения» хотя бы оговорены в объяснительной части словаря, то нумерацию в скобках авторы оставляют без комментариев, полагаясь на интуицию читателя. Если оттенки значения, согласно лексикографической традиции, используются для передачи смысловых нюансов в рамках одного значения, то каким статусом обладают смысловые отрезки внутри одного оттенка значения?

Более подробное рассмотрение семантики слова *tail* позволяет понять, что вопрос о том, обладают ли выделенные смысловые отрезки автономностью или являются вариантами одного и того же значения, оказывается далеко не тривиальным. Действительно, с одной стороны, очевидна общность понятий о хвосте млекопитающего, птицы, рыбы, рептилий (*часть тела... находящаяся позади...*), что указывает на возможность их описания в рамках единого общего значения; с другой стороны, также очевидно и то, что при большей детализации (*zooming in* [17, р. 639]) хвосты названных категорий животных могут варьироваться как по внешним признакам, так и по функции вплоть до их противопоставления (*Technically, this is not a tail – these are just feathers attached to the uropygium* 'Строго говоря, это не хвост – это лишь перья на надхвостье').

Итак, если оба варианта интерпретации представляются одинаково вероятными, то где на самом деле проходят границы внутри рассматриваемого участка семантики слова *tail*? Результаты нашего исследования данного вопроса с помощью корпусного анализа свидетельствуют о том, что наиболее частотным (следовательно, базовым) уровнем схематизации хвоста животного является уровень, на котором разграничиваются хвосты зверей, птиц и рыб. Так, рассматривая первую десятку наиболее частотных вариантов сочетаемости, обнаруживаем, что в 3665 случаях лексема *tail* встречается со словом *animal* 'животное', в 3614 – со словом *fish* 'рыба', в 3542 – со словом *bird* 'птица', в 1788 – со словом

³Цит. по: Webster's third new international dictionary / P. B. Gove [et al.] ; ed. by P. B. Gove. 3rd ed. Springfield : G. & C. Merriam Company, 1966. P. 2328.

prey ‘хищный зверь’. Кроме того, среди 50 слов, наиболее часто встречающихся с лексемой *tail*, находятся другие единицы соответствующих тематических групп: *wing* ‘крыло’ (5232), *fly* ‘летать’ (3531), *feather* ‘перо’ (2424), *fin* ‘плавник’ (2574).

При этом закрепленным в языке также является и более абстрактный уровень схематизации, на котором данное разграничение перестает быть релевантным. В 4755 случаях лексема *tail* встречается со словом *species* ‘вид’, в 1911 – со словом *creature* ‘создание’, в 1853 – со словом *pet* ‘домашнее животное’. Факт закрепленности данного абстрактного уровня очевиден не только из данных частотности, но и из распространенности контекстов, в которых разница между хвостами зверей, птиц и рыб нивелируется, например: *Both mammals and birds have got a tail* ‘Млекопитающие и птицы имеют хвост’.

Закрепленность в языке «широких» значений не говорит, однако, о том, что в ментальном лексиконе носителя языка не может одновременно храниться информация и об отдельных экземплярах более абстрактных категорий. Так, среди 50 слов, наиболее часто встречающихся с лексемой *tail*, находим такие наименования, как *dog* ‘собака’ (3343) и *cat* ‘кот’ (2667). Высокой частотностью обладают сочетания лексемы *tail* и с другими одушевленными существительными: *lobster* ‘лобстер’ (2500), *dragon* ‘дракон’ (2200), *horse* ‘лошадь’ (1400), *pig* ‘свинья’ (1350), *rat* ‘крыса’ (1200), *whale* ‘кит’ (1100), *snake* ‘змея’ (1100), *mermaid* ‘русалка’ (1100) и др.

О наличии и возможности актуализации в семантике лексемы *tail* информации о денотате на уровне отдельных видов живых существ свидетельствуют также и особенности процессов деривации и фразеологизации слова. Так, образование лексемы *tailless* ‘куций (досл. бесхвостый)’ детерминировано актуализацией информации о функционировании хвостов некоторых животных и птиц в качестве украшения (ср. также: *be bright-eyed and bushy-tailed* ‘быть в форме, полным бодрости и жизненных сил’).

Кроме того, ряд фразеологизмов со словом *tail* в английском языке образован на основе знаний о взаимодействии человека с отдельными видами животных, поведение которых общеизвестно в языковом коллективе. Так, например, распространенное знание о том, что контакт с хвостом вызывает раздражение животного, послужило основой для возникновения таких единиц, как *get off (one's) tail* ‘не мешать, отстать от кого-либо’, *a sting in the tail* ‘неожиданное неприятное окончание чего-либо’. С другой стороны, знание об этой же особенности у опасных животных мотивирует и противоположное значение ‘осмелиться на рискованный поступок’: *tickle the dragon's tail* ‘досл. щекотать хвост дракона’, *twist the lion's tail* ‘ист. накрутить хвост британскому льву, бросить вызов Британской империи’. Вместе с этим контакт с хвостом дикого животного менее опасен, чем контакт лицом к лицу, что является мотивирующей основой для обозначения ловкого, но рискованного манипулирования кем-то более сильным: *catch a tiger/bear by the tail* ‘иметь дело с кем-то более сильным, что может стать угрожающим или опасным’.

Таким образом, можно утверждать, что лексема *tail* в значении ‘придаток на заднем конце тела’ существует в английском языке как минимум на трех уровнях абстракции (например, *creature* ‘создание’ – *animal* ‘животное’ – *dog* ‘собака’). Можно сказать, что значение устроено по принципу матрешки, сгущаясь до предельно общего понятия либо разворачиваясь во всех деталях более низких уровней абстракций.

Высокая частотность того или иного употребления в речи напрямую отражает закрепленность соответствующего значения в языке. Ситуация, однако, оказывается не столь очевидной при интерпретации менее частотных (или единичных) примеров реализации слова. Согласно принятой нами модели данные нечастотные речевые факты следует интерпретировать как реализацию более общей схемы и, соответственно, закрепленное в языке значение необходимо искать на более высоких уровнях смыслового обобщения.

Так, например, следует констатировать, что распространенность сочетания слова *tail* с такими наименованиями, как *wagon* ‘фургон’, *train* ‘поезд’, *bike* ‘велосипед’, *bus* ‘автобус’, *motorcycle* ‘мотоцикл’, *ship* ‘корабль’ (при этом ни одно из них не отмечено в корпусе как частотное), свидетельствует о закрепленности в языке обобщенного значения ‘задняя часть транспортного средства’. Показательно, что современные словари приводят в качестве прототипа значения современные автомобили: *the rear end of an automobile or other vehicle* ‘задняя часть автомобиля или другого транспортного средства’; однако, согласно данным поискового онлайн-сервиса *Google Books Ngram Viewer*, сочетание *tail of a cart* ‘задняя часть кареты’ было чрезвычайно частотно уже в начале XX в. Данное наблюдение позволяет предположить, что характерным признаком закрепленной в языке схемы является ее независимость от конкретных реализаций и, в частности, от конкретного прототипического ядра, способного меняться с течением времени.

Кроме того, анализ корпусных данных свидетельствует о том, что категория ‘задняя часть транспортного средства’ не является предельной границей схематизации рассматриваемого смысла: *tail* обозначает заднюю часть не только всех видов транспорта, но и других средств передвижения (*snowboard*

‘сноуборд’), а кроме того, имеет тенденцию к употреблению с иными наименованиями той же тематической группы (*snowshoes* ‘снегоуступы’, *saddle* ‘седло’, *helmet* ‘шлем’, *gearbox* ‘коробка передач’, *tail-back* ‘вездная полоса’). Судя по всему, лексема *tail* в значении ‘задняя часть транспортного средства’ находится в процессе дальнейшего обобщения до уровня категории, обозначающей все, что связано с искусственными средствами передвижения; при этом не вполне определимые границы описываемого смысла демонстрируют случай неокончательной закреплённости схемы в языке (ср. неоднозначность дефиниции в словаре: *the rear of a vehicle or of a traveling mechanism or implement* ‘задняя часть транспортного средства, механизма или инструмента передвижения’).

Среди других категорий сопоставимого уровня обобщения, именуемых словом *tail* и проявляющихся за счёт суммарной частотности вариантов их реализации, следует назвать:

- крайнюю часть органов или частей тела (*brow* ‘бровь’, *pancreas* ‘панкреас’, *hippocampus* ‘гиппокамп’, *eye* ‘глаз’ и др.: *I had seen his shadow moving with the tail of my eye* ‘Краем глаза я увидел, как мелькнула его тень’);
- нижнюю часть предметов верхней одежды (*jacket* ‘куртка’, *shirt* ‘рубашка’, *T-shirt* ‘футболка’, *skirt* ‘юбка’, *vest* ‘жилетка’ и др.);
- заднюю часть искусственных летательных объектов (*kite* ‘воздушный змей’, *balloon* ‘воздушный шарик’, *spaceship* ‘космический корабль’ и др.);
- нижнюю часть элементов букв алфавита (*tail of Q, q, R, j, y, f* и др.);
- верхнюю часть элементов природных явлений (*rainbow* ‘радуга’, *whitewater* ‘бурные воды’, *fire* ‘огонь’, *hurricane* ‘ураган’, *storm* ‘шторм’ и др.);
- окраину территорий (*tail of Judah* ‘крайняя точка Иудейского царства’, *tail of England* ‘крайняя точка Англии’ и др.).

В основе образования всех названных выше категорий лежит выбор определенного категориального признака. Как результат, границы схематизации смыслов предопределены выбранным категориальным признаком: абстрагирование значения заключается в «восхождении» на более высокие уровни таксономических иерархий (например, *хвост млекопитающего* > *хвост живого существа*).

Являются ли перечисленные категории предельным уровнем схематизации соответствующих значений, или они могут быть объединены в рамках единой, еще более абстрактной категории ‘задняя часть чего-либо’? Ответ на данный вопрос неоднозначен. С одной стороны, по-видимому, следует утверждать, что подобная абстрактная схема существует в языке. Так, в предложении *The tail of that pterodactyl was as long as the one of an airplane* ‘Хвост у этого птеродактиля был длинным, как у самолета’ стирается граница между хвостами животных и искусственных летательных объектов, но при этом не возникает эффекта зевгмы, что, согласно условиям тестов на полисемию, свидетельствует об отсутствии многозначности.

С другой стороны, высокая степень закреплённости в языке за словом *tail* значения ‘задняя часть чего-либо’ резко повысила бы и частотность употребления данного значения, поскольку позволила бы употреблять данную лексему по отношению к задней/крайней части неограниченного набора разнообразных объектов и явлений действительности. Данные корпуса, однако, убедительно свидетельствуют об избирательности наименований, сочетающихся с лексемой *tail* в рассматриваемом значении. Можно сделать вывод, что абстрактное значение ‘задняя часть чего-либо’ существует в семантике слова *tail*, однако при этом очевидно и то, что степень его закреплённости в языке уступает степени закреплённости более частных, перечисленных выше категорий.

Является ли значение ‘задняя часть чего-либо’ предельным уровнем схематизации рассматриваемого смысла? Для ответа на данный вопрос необходимо обратить внимание на то, что, помимо пространственного признака ‘нахождение сзади’, лексема *tail* во всех описанных выше случаях все еще сохраняет за собой изначальный партитивный признак ‘задняя часть чего-либо’. Таким образом, следующий уровень схематизации должен предполагать потерю одного из двух оставшихся признаков. О существовании такого уровня свидетельствуют лексикографические описания, в которых отдельно выделяется значение *something that trails or follows in time or place* ‘что-либо тянущееся или следующее позади во времени или пространстве’. К нему, по-видимому, можно отнести и такие метафоризированные смысловые оттенки, как ‘то, что характеризуется отставанием’ (*tail of underachieving schools* ‘отстающие школы’; *tail of underperforming students* ‘неуспевающие студенты’), ‘нечто, находящееся на периферии’ (*on the tail of public opinion* ‘на периферии общественного мнения’), ‘последствия чего-либо’ (*great love story, the tail of the great passion* ‘большая любовь, следствие большой страсти’; *tail of Donald Trump's spectacle* ‘последствия постройки небоскреба Дональда Трампа’; *tail of many of the other disadvantages* ‘последствия многих других проблем’).

Рассмотрим далее еще одну цепочку смысловых обобщений, чтобы пронаблюдать за иными направлениями схематизации значений лексемы *tail* по сравнению с описанными выше. Одно из наиболее часто

сочетающихся с ней слов – существительное *yarn* ‘нить’ (1244). Сходными по семантике являются также частотные сочетания *tail of the thread* ‘конец нитки’, *tail of the rope* ‘конец веревки’. Смысловое сходство данных сочетаний указывает на закреплённость в языке некоего более обобщённого значения, включающего их как частные варианты своей реализации. Помимо трех названных сочетаний, в корпусе были зафиксированы нечастотные употребления слова *tail* со следующими наименованиями: *belt* ‘ремень’, *guitar* ‘гитара’, *handle* ‘ручка’, *lamp post* ‘фонарный столб’, *knife* ‘нож’, *beard* ‘борода’, *crucifix* ‘распятие’ и др. Приведённые наблюдения подтверждают предположение о том, что прототипическое ядро *yarn – thread – rope* формирует вокруг себя ещё одну абстрактную категорию, в которую может включаться **крайняя продолговатая часть объекта**.

Как видно, содержание категориального признака в описываемом случае «опустошается», становясь настолько схематичным, что, по сути, представляет собой пустую валентность («любой объект»). На фоне снижения релевантности категориального признака на первый план выступает некатегориальный признак протяжённости в пространстве («продолговатый»). Попутно отметим, что о релевантности пространственного признака для семантики слова *tail* свидетельствует, например, и то, что прилагательное *long* ‘длинный’ является наиболее сочетающимся с *tail* словом, частотность которого (21 504) значительно превосходит другие примеры сочетаемости.

Метафорическим расширением категории продолговатых в пространстве объектов служит осмысление денотата *tail* в качестве **конечной фазы** протяжённого во времени **периода** или **события**: *tail of the relationship* ‘конечный этап отношений’, *tail of winter* ‘конец зимы’, *tail of the movie* ‘окончание фильма’, *tail of his career* ‘окончание карьеры’, *tail of Thanksgiving* ‘окончание праздника на День благодарения’, *tail of the century* ‘окончание века’.

Как и в случае, описанном выше, необходимо отметить, что наряду с признаком протяжённости в пространстве/времени семантика лексемы *tail* сохраняет за собой изначальный партитивный признак хвоста: ‘часть продолговатого объекта, конечная часть периода/события’. На следующем этапе абстрагирования значения слова *tail* «отрывается» от признака партитивности, обозначая ‘протяжённые последовательности чего-либо’ (*long tail keywords* ‘длинный список ключевых слов’, *long tail searches* ‘поисковый запрос, содержащий большое количество слов’, *tail of 14 people* ‘очередь из 14 человек’, *uninteresting tail of woe* ‘нудная череда невзгод’, *tail of comment voting* ‘количество голосов в комментариях’) и ‘протяжённые во времени события’ (*epic tail of history and the million forgotten days stretching behind* ‘эпичный след истории и миллионы забытых дней’).

Помимо протяжённости в пространстве и расположения сзади, ещё одним мотивирующим некатегориальным признаком для расширения семантики лексемы *tail* служит признак формы. Как видно из примера *tail of the bell curve* ‘нижняя часть колоколообразной кривой’, метафорическое осмысление денотата, обозначаемого словом *tail*, может с удивительной точностью передавать прототипический образ изогнутого, нисходящего хвоста некоторых животных. При этом *tail* в данном значении будет обозначать **нижнюю (чаще наклонную) часть чего-либо**: *tail of a pool* ‘наклонная часть дна водоема у берега’, *sloping tail of rock* ‘наклонное подножие скалы’, *tail of scree* ‘подножие крутого склона’, *a tail of sand* ‘подножие песчаного холма’.

Метафорическое расширение рассматриваемого значения в современном языке проявляется в том, что образ нисходящей формы хвоста служит основой для обозначения не только края наклонных объектов, но и для конечной фазы процессов, **интенсивность которых постепенно снижается с течением времени**: *tail of a stroke* ‘остаточная сила удара’, *tail of the sound* ‘остаточная интенсивность звука’, *tail of the effect* ‘остаточное действие эффекта’, *tail of echoes* ‘отголосок эха’.

Дальнейшая схематизация описываемого значения также связана с абстрагированием от партитивного признака и, судя по всему, берет свое начало от фразеологически связанного сочетания *long/fat tail* ‘длинный/толстый хвост’. Изначально данное сочетание обозначало большое количество ниш на рынке товаров, распределённых «в длинном хвосте», по отношению к небольшой концентрации хитов продаж «в голове». Появившись в качестве экономического термина, выражение *long tail*, судя по данным корпуса, стало чрезвычайно употребимым в общелитературном языке, причем обозначает теперь широкий набор/ассортимент менее распространенных предметов или явлений, а само слово *tail* при этом обозначает **малое количество** или **низкую степень проявления чего-либо**: *long tail of elephant behavior* ‘большое количество **менее известных** особенностей поведения слонов’, *long tail of the industry* ‘большое количество **более мелких** представителей индустрии’, *long tail of personal attributes* ‘большой набор **менее релевантных** личностных характеристик’, *the long tail of the music industry* ‘большое количество **менее популярной** музыки’, *long tail of information* ‘большой объем **альтернативной** информации’, *long tail of science* ‘большое количество **альтернативных** научных направлений’ и др.

Описанные смысловые взаимосвязи в слове *tail* могут быть изображены в виде схемы (рис. 3), которая, отметим, отражает далеко не полный объем семантического содержания слова и служит лишь для наглядного представления основных направлений и уровней схематизации его значений.

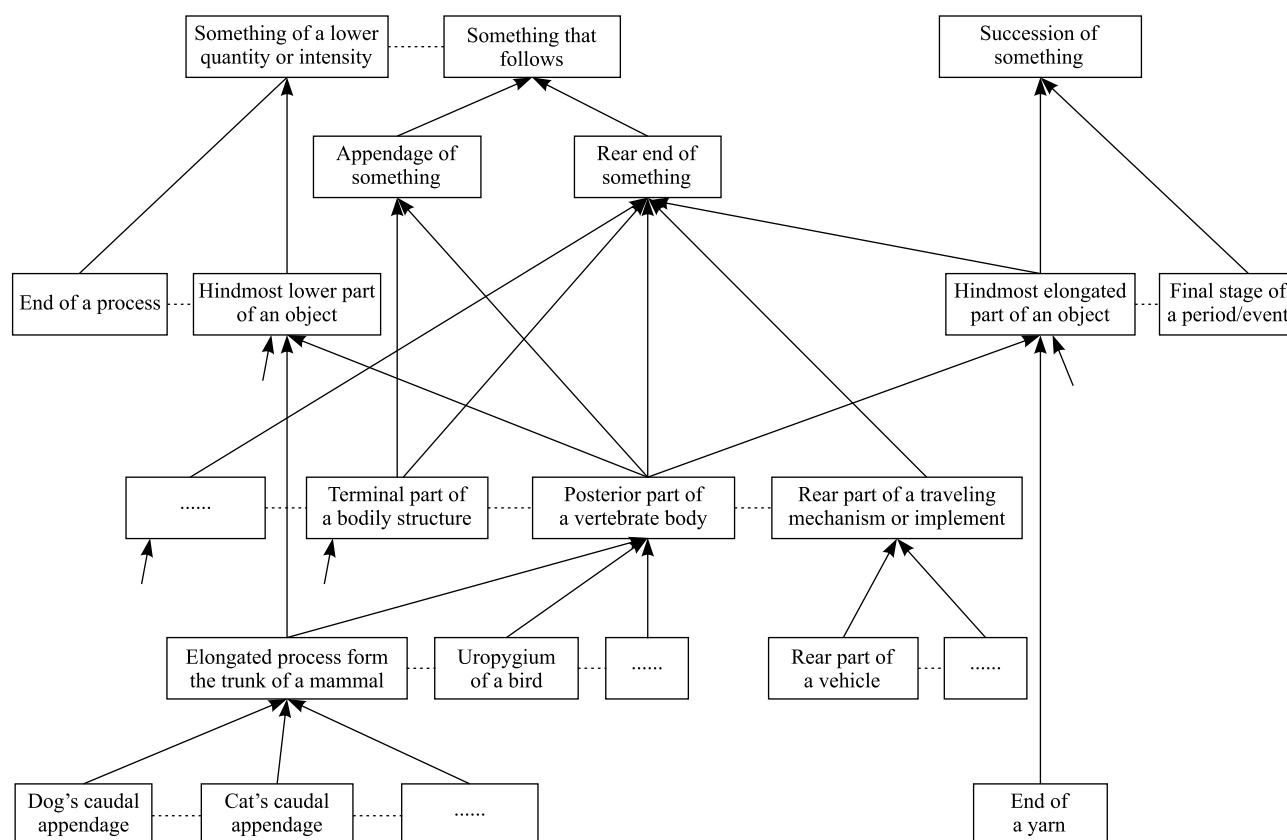

Рис. 3. Уровни схематизации значений в семантике английского слова *tail*
Fig. 3. Levels of meaning schematization in the semantics of the English word *tail*

Заключение

Дискуссия сторонников и противников общих значений в широком смысле восходит к гумбольдтовскому противопоставлению *ergon* и *energeia*, иными словами, к вопросу о том, является ли язык набором воспроизводимых единиц или представляет собой систему более общих правил, порождающих все многообразие их реализации в речи.

Представляется, что сама постановка подобного вопроса исходит сразу из двух неверных предпосылок. Во-первых, неверной представляется мысль о единственности того или иного способа усвоения языковой информации носителями языка: на самом деле, одна и та же смысловая единица может как усваиваться в виде готового блока, так и выводиться на основе уже имеющейся информации. Во-вторых, неразрешимой проблемой является само противопоставление «воспроизводимого» и «порождаемого»: то, что выступает правилом преобразования смыслов, может, в свою очередь, быть реализацией более общего правила. То, что представляется «правилом», – не что иное, как более схематичное значение по отношению к значениям, находящимся на низших уровнях абстракции.

Многоуровневая структура значений слова обуславливает неоднозначность его семантики: то, что «представляется разными значениями с одной стороны, оказывается примерами вариативности одного значения с другой» [18, р. 99]. В процессе схематизации лексического значения «происходит переосмысление лексического прототипа по линии обобщения его признаков и абстрагирования от отдельных из них. Возникает новая когнитивная модель, идеальный конструкт, который носит абстрактный инвариантный характер и может быть применим к более широкому кругу явлений» [19, с. 55]. Задача семантического описания многозначного слова, таким образом, состоит не в выборе единственного уровня абстракции, на котором могут быть описаны его значения, а в выявлении тех уровней, на которых эти значения закреплены в языке.

В статье была продемонстрирована методика выявления значений разных уровней смыслового обобщения на примере семантики английского слова *tail* ‘хвост’; выявлены и описаны уровни схематизации значений рассматриваемой лексической единицы. На уровне признаков схематизация заключается в обобщении категориальных признаков, в результате которого увеличивается релевантность некатегориальных: признака местоположения (расположение сзади), пространственного (протяженность в пространстве), перцептивного (форма), партитивного (часть от целого) признаков, выбор которых определяет общее направление абстрагирования семантики слова.

Библиографические ссылки

1. Лещева ЛМ. *Лексическая полисемия в когнитивном аспекте* [диссертация]. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 1996. 247 с.
2. Katz J. *Semantic theory*. New York: Harper and Row; 1972. 464 p.
3. Кацнельсон СД. *Содержание слова, значение и обозначение*. Москва: Едиториал УРСС; 2011. 112 с.
4. Пауль Г. *Принципы истории языка*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1960. 501 с.
5. Якобсон Р. *Избранные работы*. Москва: Прогресс; 1985. 460 с.
6. Звегинцев ВА. *Семасиология*. Москва: Издательство Московского университета; 1957. 320 с.
7. Кацнельсон СД. Вступительная статья. В: Пауль Г. *Принципы истории языка*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1960. с. 5–21.
8. Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1962. 456 с.
9. Потебня АА. *Из записок по русской грамматике. Том 2*. Москва: Учпедгиз; 1958. 540 с.
10. Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. 427 с.
11. Ахманова ОС. К вопросу о слове в языке и речи. В: *Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Выпуск 5*. Москва: Издательство МГУ; 1948. с. 27–32.
12. Kilgarriff A. Dictionary word sense distinctions: an enquiry into their nature. *Computers and the Humanities*. 1992;26:365–387. DOI: 10.1007/BF00136981.
13. Langacker RW. *Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites*. California: Stanford University Press; 1987. 540 p.
14. Taylor JR. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. New York: Clarendon Press; 1995. 312 p.
15. Tuggy D. Ambiguity, polysemy, and vagueness. *Cognitive Linguistics*. 1993;4(3):273–290. DOI: 10.1515/cogl.1993.4.3.273.
16. Колобаев ВК. Слова широкой семантики в языке и речи. В: *Проблемы комплексного анализа языка и речи*. Ленинград: ЛГУ; 1982. с. 54–60.
17. Taylor JR. Polysemy's paradoxes. *Language Sciences*. 2003;25:637–655. DOI: 10.1016/S0388-0001(03)00031-7.
18. Geeraerts D. *Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2006. 503 p.
19. Беляева ЕП. Проблема семантического тождества слова (когнитивный ракурс). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2009;4:62–66.

References

1. Leshcheva LM. *Leksicheskaya polisemiya v kognitivnom aspekte* [A cognitive account of lexical polysemy] [dissertation]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 1996. 247 p. Russian.
2. Katz J. *Semantic theory*. New York: Harper and Row; 1972. 464 p.
3. Kacnel'son SD. *Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie* [Word content, meaning and reference]. Moscow: Editorial URSS; 2011. 112 p. Russian.
4. Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1960. 501 p. Russian.
5. Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected writings]. Moscow: Progress; 1985. 460 p. Russian.
6. Zvegincev VA. *Semasiologiya* [Semasyology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1957. 320 p. Russian.
7. Kacnel'son SD. [Introductory article]. In: Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1960. p. 5–21. Russian.
8. Kurilovich E. *Oчерки по lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1962. 456 p. Russian.
9. Potebnja AA. *Iz zapisok po russkoi grammatike. Tom 2* [From notes on Russian grammar. Volume 2]. Moscow: Uchpedgiz; 1958. 540 p. Russian.
10. Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. 427 p. Russian.
11. Ahmanova OS. [On the issue of the word in language and speech]. In: *Doklady i soobshcheniya filologicheskogo fakul'teta MGU. Vypusk 5* [Theses of reports and messages at the philology faculty of Moscow State University. Issue 5]. Moscow: Moscow State University; 1948. p. 27–32. Russian.
12. Kilgarriff A. Dictionary word sense distinctions: an enquiry into their nature. *Computers and the Humanities*. 1992;26:365–387. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00136981>.

13. Langacker RW. *Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites*. California: Stanford University Press; 1987. 540 p.
14. Taylor JR. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. New York: Clarendon Press; 1995. 312 p.
15. Tuggy D. Ambiguity, polysemy, and vagueness. *Cognitive linguistics*. 1993;4(3):273–290. DOI: 10.1515/cogl.1993.4.3.273.
16. Kolobaev VK. [Wide-meaning words in language and speech]. In: *Problemy kompleksnogo analiza jazyka i rechi* [Problems of complex analysis of language and speech]. Leningrad: Leningrad State University; 1982. p. 54–60. Russian.
17. Taylor JR. Polysemy's paradoxes. *Language Sciences*. 2003;25:637–655. DOI: 10.1016/S0388-0001(03)00031-7.
18. Geeraerts D. *Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2006. 503 p.
19. Beliaeva EP. Identity-of-unit problem (cognitive aspect). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2009;4:62–66. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.02.2020.
Received by editorial board 14.02.2020.